

УДК 347

DOI 10.17223/22253513/18/14

Р.П. Мананкова

О МЕЖОТРАСЛЕВОМ ПРИМЕНЕНИИ ЧАСТНОПРАВОВЫХ ПОНЯТИЙ

Радикальные преобразования советской системы права продолжаются. В науке по-прежнему идут оживленные дискуссии, обусловленные, в частности, воздействием частного права на все отрасли. Особого внимания заслуживает дискуссия представителей науки уголовного права в связи с несовершенством норм главы 22 Уголовного кодекса. В статье показаны наиболее слабые места в законе, а именно в ст 174, 179, 195 УК РФ. Представлены рекомендации по устранению основных дефектов.

Также дано обоснование несовершенства норм ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ, закрепляющих круг лиц, имеющих семейно-правовые связи с участниками уголовного производства. Имеются в виду родственники, близкие родственники и близкие лица. Предложено внести соответствующие изменения.

Ключевые слова: система права, частное право, понятие, родство, сделка, диспозиция, норма.

Обосновать актуальность обозначенной темы можно предельно коротко, например, так: распад СССР, именуемый теперь как геополитическая катастрофа, выразился, в частности, в разрушении советской системы законодательства, восстановлении частного права и его проникновении во все отрасли. В результате возникли значительные трудности как в законотворчестве, так и в правоприменении. Разумеется, теоретическую базу для решения соответствующих проблем должны формировать ученые, представляющие конкретные отрасли. Однако узкая систематизация в науке, без которой вряд ли возможно глубокое познание объекта исследования, делает труднодоступными для изучения отношения, находящиеся за пределами предмета данной конкретной науки. Более того, далеко не всегда ощущается и сама потребность выйти за рамки одной отрасли. А в конечном счете эта разобщенность, отсутствие системы знаний об исследуемом в различных отраслях правовой науки предмете проявляются в несовершенстве закона и обусловленных им негативных последствиях.

Один из ярких примеров десятки лет присутствует в ст. 5 УПК РФ [1] (в старом УПК РСФСР это была ст. 34). Само по себе выделение в структуре кодекса института «основных понятий» свидетельствует об огромной работе ученых-процессуалистов и заслуживает внимания законодателя. Вместе с тем категорически нельзя принять содержание п. 3, 4 и 37 ст. 5 УПК РФ. Формулировки этих норм приводят к мысли, что составители игнорировали существование семейного законодательства. Так, по тексту п. 4 «близкие родственники – супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки». В п. 37 ст. 5 разъясняется, что «родственники – все иные лица, за исключением близких родственников, состоящие в родстве». Есть еще и категория «близкие лица», ими счита-

ются иные, за исключением близких родственников и родственников лица, состоящие в свойстве с потерпевшим, свидетелем, а также лица, жизнь, здоровье, благополучие которых дороги потерпевшему, свидетелю в силу сложившихся личных отношений.

Критически оценивая приведенные нормы и не вдаваясь в детали, можно выделить основные ошибки. Во-первых, кровная связь лиц, т.е. родство, не допускается в принципе при заключении брака. «Не допускается заключение брака между: близкими родственниками (родственниками по прямой восходящей линии (родителями и детьми, дедушкой, бабушкой и внуками), полнородными и неполнородными (имеющими общих отца или мать) братьями и сестрами» – ст. 14 Семейного кодекса РФ. Это означает, что из числа «близких родственников» по п. 4 ст. 5 УПК супругов надо исключать, да и из родственников (п. 37 ст. 5 УПК) тоже убирать. Но где же место супругу в зарегистрированном браке?

Но самое интересное – здесь явная конкуренция норм разных отраслей: ст. 15 СК, в императивной форме закрепляющей составы «близких родственников», и п. 4 ст. 5 УПК, значительно расширяющей круг лиц, относимых к «близким родственникам». Кроме супругов лишними оказываются также усыновители и усыновленные. Представляется, что для целей Уголовно-процессуального кодекса «приспособление» общей нормы ст. 15 СК, каковой она безусловно является по действующему законодательству, возможно в принципе, но только не в сторону расширения круга названных в ней субъектов.

Во-вторых, не все просто обстоит и с «родственниками» в смысле п. 37 ст. 5 УПК. Это «все иные лица, за исключением близких родственников, состоящие в родстве». Такая формулировка порождает массу вопросов и прежде всего о критериях отбора, о подтверждении факта родственных отношений, о линиях и степенях родства и другие, неизбежно возникающие при применении соответствующих норм к конкретным субъектам уголовно-процессуальных правоотношений. Например, «судья, прокурор, следователь, дознаватель не может участвовать в производстве по уголовному делу, если он является близким родственником или родственником любого из участников производства по данному уголовному делу (пункт 3 части 1 статьи 61 УПК)».

С позиции цивилиста приведенные нормы дают благодатную почву для злоупотреблений; безразмерные формулировки – это и есть один из признаков коррупциогенности нормативного акта.

В-третьих, обращает на себя внимание любопытная нормативная конструкция «близкие лица» (п. 3 ст. 5 УПК), привязанная, судя по тексту, только к потерпевшему и свидетелю. Однако ст. 42 и 56 УПК о «близких лицах» не упоминают вовсе; речь идет о соответствующих правах отказаться свидетельствовать против самого себя, супруга и других близких **родственников**, круг которых определен п. 4 ст. 5.

Буквальное толкование п. 3 ст. 5 УПК позволяет обозначить эту категорию субъектов в двух ипостасях:

- 1) свойственники;
- 2) лично дорогие граждане.

Кого считают свойственниками ученые-процессуалисты, как подтвердить эти отношения, судить трудно по причине отсутствия доступной автору информации. Справедливости ради необходимо сказать, что и фамилиаристы, т.е. специалисты по семейному праву, проблемам отношений свойства практически внимания не уделяют. Свойство – это общественная связь между одним из супругов и родственниками другого супруга, а также между родственниками каждого из супругов. Даже в семейном праве по общему правилу свойство не имеет юридического значения. В качестве исключения из множества вариантов взаимоотношений между широким кругом свойственников закон выделяет лишь одно, ближайшее – отношение одного из супругов с детьми другого супруга. Условие о свойстве заложено в самом наименовании субъектов, термины «отчим», «мачеха», «пасынок», «падчерица» – это формулы отношений свойства. Пределы регулирования отношений между этими лицами семейный закон определил очень четко, а именно только как субъектов алиментных обязательств. Упоминание свойственников в УПК вызывает недоумение как в теоретическом плане, так и в практическом.

Для характеристики второй группы «близких лиц» нет слов – любой. Завершая экскурс в Уголовно-процессуальный кодекс, можно с сожалением отметить явную недооценку значимости древних частноправовых понятий, известных всему миру с римских времен. Система родства, т.е. схема степеней и линий родства, русскоязычному читателю стала известна из главы 50-й Кормчей книги и потом из Свода законов гражданских. Но до современных нормативных актов эта таблица росписей степеней и линий так и не дошла.

Хотя особенно остро ощутили потребность в ней нотариусы после принятия ч. 3 ГК РФ. Как известно, в ГК РСФСР было закреплено две очереди наследников по закону (включая одну скользящую). Теперь очередей стало восемь, запомнить их почти невозможно без схемы. Поэтому, по свидетельству достоверных источников, включая отчеты студентов-дипломников, нотариусы особо не утруждают себя разъяснением новых норм, ограничиваясь по привычке информацией о первых двух очередях.

Воздействие частноправового «удара» по советской правовой системе ощутили все без исключения отрасли права, что очевидно даже при беглом сравнении текстов кодексов современных и старых. Глубина и сущность произошедших преобразований обусловили необходимость активизации научных исследований и ускоренную динамику законотворческой деятельности. О результатах говорить еще преждевременно, но прошедшие два десятилетия войдут несомненно в историю отечественной правовой науки как время небывалых достижений, идей и решений.

Новые общественные отношения обусловили пересмотр по существу всего теоретического советского наследия. Принципиально изменились и взгляды на правовую политику и задачи законодателя. Советская наука, по сути, не была готова к столь радикальным изменениям. В самом незавидном положении, как представляется, оказались ученые-экономисты, и это вполне объяснимо. Долгие годы они работали в условиях бесконечного реформирования и в обстановке идеологической неуверенности.

А именно от экономистов в переходный период потребовались новые со- держательные понятия, способные отразить и повлиять на катастрофические

последствия происшедшего краха социалистической системы хозяйства. К сожалению, и до сих пор даже по исходным понятиям у экономистов нет единства мнений («экономика», «экономические отношения», «экономическая деятельность»). Поэтому вполне закономерен «ажиотаж» специалистов по уголовному праву вокруг главы 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности».

В центре большой дискуссии – вопрос об объектах преступлений. На взгляд неспециалиста, конца этим спорам не видно, в то же время понятна решающая роль определенного обоснованного ответа на него по существу. От этого зависит и позиция законодателя по структуре кодекса.

Для цивилиста нормы главы 22 УК РФ тоже представляют большой интерес, причем по многим направлениям. Конечно, надо выделять предпринимательские отношения как объект посягательства, хотя это повлечет еще большую степень погружения в тонкости частноправовой материи. Но иначе нельзя, поверхностным подключением специальных норм и понятий при этом не обойтись. Кстати, опыт скороспешного внедрения некоторых основных цивилистических понятий и сейчас налицо. Содержание глав 21 и 22 УК РФ дает основание упрекать составителей в некорректном использовании термина «имущество». Разъяснения Пленума Верховного Суда безусловно необходимы, но прямой путь все же короче: легче норму создать безупречной. Нормальной представляется законодательная техника, традиционно используемая в УК, а именно наличие в структуре соответствующей статьи «Примечания». И если анализировать все нормы УК, где встречается термин «чужое имущество», то приходим к выводу, что в п. 1 примечания к ст. 158 УК достаточно было добавить краткое разъяснение этого сложнейшего для цивилиста, по крайней мере, понятия и обозначающего его термина. А сейчас этот термин в УК привлекает коррупционеров.

Термин «имущество» и его производные в УК РФ упоминаются довольно часто, но не всегда безупречно отражают содержание самого многозначного понятия. Так, неудачным представляется начало диспозиции ч. 1 ст. 195 УК: «Соккрытие имущества, имущественных прав или имущественных обязанностей, сведений об имуществе, о его размере, месте нахождения либо иной информации об имуществе, имущественных правах или имущественных обязанностях, передача имущества во владение иным лицам, отчуждение или уничтожение имущества...» Разумеется, всем известно, что понятие «имущество» в частном праве имеет несколько значений, в том числе: 1) вещь; 2) имущественные права и обязанности; 3) имущественные права. В разных институтах используются эти понятия с учетом предмета правового регулирования. Например, наследственное имущество – это совокупность прав и обязанностей умершего, переход которых по закону допустим, т.е. имущество в широком смысле.

Общая норма об объектах гражданских прав, закрепленная в ст. 128 ГК [2], применительно к ситуации банкротства (ст. 195 УК) позволяет увидеть несовершенства вышеприведенного текста закона. Во-первых, в состав имущества юридического лица, в частности и в период банкротства могут входить вещи (в том числе недвижимость – ст. 130, 133¹ ГК РФ), включая наличные деньги и документарные ценные бумаги.

В соответствии со ст. 132 ГК недвижимостью признается и предприятие в целом как имущественный комплекс. В состав предприятия как имущественного комплекса входят **все виды имущества**, предназначенные для его деятельности, включая земельные участки, здания, сооружения, оборудование, инвентарь, сырье, продукцию, права требования, **долги**, а также иные права.

Таким образом, систематическое толкование названных норм гражданского законодательства позволяет сократить диспозицию ч. 1 ст. 195 УК, заменив одним словом «имущество» фразу «имущество, имущественные права или имущественные обязанности».

Во-вторых, фразу «сведений об имуществе, его размере, месте нахождения либо иной информации» можно понять однозначно как сокрытие **любой** информации об имуществе; по-видимому, имеется в виду информация, которой придается существенное значение.

В-третьих, объективная сторона может выражаться также и в «передаче имущества во владение иным лицам, отчуждении или уничтожении имущества». Отчуждение как форма распоряжения имуществом включает в себя и передачу во владение. Причем по смыслу закона передать можно и право пользования, и право распоряжения, можно отдать имущество в залог и обременять его другими способами, а также распорядиться им иным образом (ст. 209 ГК).

Одним словом, ст. 195 УК можно подредактировать так, чтобы при ее применении возникло меньше вопросов.

Трудно удержаться от критики нормы ч. 1 ст. 127² УК РФ «Использование рабского труда». Неприемлемой кажется формулировка «использование труда человека, в отношении которого осуществляются **полномочия, присущие праву собственности...**»

У преступника нет никаких полномочий (а точнее, правомочий), **присущих** праву собственности, поэтому и осуществлять ему нечего. Тем более что по смыслу этой нормы не труд, а человек может быть объектом (предметом) правоотношений. Может быть, неточно перевели международные конвенции?

Особый интерес вызывают нормы главы 22 УК РФ, в которых используется термин «сделка». Прежде всего имеется в виду многострадальная ст. 174 УК, которая и после двух разъяснений Пленума Верховного Суда РФ вызывает массу вопросов. Такое положение обусловлено острой актуальностью, динамичностью происходящих общественных процессов, а также нестыковкой отраслей публичного и частного права. Применительно к ст. 174 УК камнем преткновения стало понятие и содержание сделки. Вызывающий характер придали составители УК диспозиции ч. 1 ст. 174: «Совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом...» К тем аргументам, которые уже высказаны в литературе, можно добавить еще несколько.

Соотношение понятий «финансовая операция» и «сделка»; содержание (состав) финансовой операции и виды уголовно наказуемых деяний по ст. 174 УК – это основные, исходные тезисы, которые надо обсуждать совместно представителям разных отраслей, может быть, на научно-практических конференциях. Иначе договариваться придется долго.

Фраза «и других сделок с денежными средствами или иным имуществом» в переводе на частноправовую терминологию означает, что имеются в виду **любые** сделки с **любым** имуществом в пределах установленных законодательством.

Если попытаться обобщить изложенное, то можно сделать вывод о недооценке роли частноправовых понятий в публичных отраслях законодательства. Соответственно есть основания рекомендовать конкретные направления научных исследований, в том числе и совместных.

Вместе с тем частноправовая «ревизия» Уголовного кодекса РФ позволила выявить совершенно неожиданное в законодательной технике явление – своего рода обратное, положительное воздействие норм УК на гражданское законодательство как основной элемент системы частного права. Одним словом, речь идет о нормах, закрепленных в ст. 179 УК РФ и ст. 179 ГК РФ. Обстоятельное исследование всех аспектов не входит в задачу настоящей статьи. Оно заслуживает внимания по крайней мере в рамках студенческой научной работы.

Здесь же имеет смысл только обозначить контуры той правовой ситуации, которая создана законодателем. Даже неискушенному юристу легко обнаружить черты сходства и отличия путем сопоставления норм, закрепленных в этих статьях ГК и УК.

О сделках с пороками воли главное стало известным из основ римского частного права, и можно утверждать, заимствование этого института, оспори́мых сделок в той или иной форме непрерывно продолжается до настоящего времени.

Трудно представить, сколько поколений занималось вплотную этими проблемами на разных уровнях. Обман, насилие, угроза в любом обществе никогда не исчезали, о чем много свидетельств в древних источниках.

Наиболее известны Дигесты Юстиниана, представляющие собой лишь небольшие отрывки из сочинений отдельных римских юристов. Как бы мы ни относились сейчас к роли римского права, т.е. как бы ни сомневались в его значимости, все равно приходится признавать, что корни всех нынешних отраслей права лежат в римском частном праве. Например, в этом нетрудно убедиться, увидев тексты доступных теперь широкому кругу читателей древних источников, комментарии отечественных романистов и цивилистов.

В настоящее время термины «обман», «насилие», «угроза», по сути, являются межотраслевыми, хотя обозначаемые ими понятия в правовой доктрине могут и различаться. Вместе с тем приоритет в исследовании отношений, где принуждение является квалифицирующим признаком, несомненно и давно принадлежит специалистам в области уголовного права. И в длительном процессе совершенствования гражданского законодательства это обстоятельство было бы справедливо принимать во внимание.

Сопоставление норм ст. 179 ГК и ст. 179 УК позволяет поставить теоретический вопрос об их своеобразной конкуренции. В гражданском праве конкуренцию исков обычно используют хорошие адвокаты, выбирая наиболее выгодный вариант иска из нескольких возможных в конкретном споре. Но это в границах одной отрасли отработанный прием. Применительно к разным отраслям о конкуренции в точном значении этого термина говорить, по-

видимому, нельзя, что вполне объяснимо. Если возбуждено в Екатеринбурге уголовное дело по ст. 179 УК в отношении лиц, принуждавших жильцов продавать свои квартиры за бесценок, то какая может быть конкуренция со ст. 179 Гражданского кодекса? Кто же предпочтет уголовное дело гражданскому иску? Казалось бы, и вопроса такого не может возникать. Тем не менее есть обстоятельства, имеющие существенное значение и связанные с реализацией анализируемых норм. С одной стороны, они отражают разные стадии сделки. УК говорит о принуждении к **совершению** или к отказу от совершения сделки. В любом случае сделки еще нет, она не может еще считаться заключенной. Лицо привлекается к уголовной ответственности за противоправное воздействие на волю и (или) волеизъявление другого лица.

ГК РФ имеет в виду сделку заключенную, оспоримую, т.е. в принципе действительную, если потерпевший не будет ее оспаривать в суде. Вопросы о возможности сочетаний анализируемых норм, о возможности преюдиции, о гражданском иске в уголовном деле и других возникают и заслуживают обсуждения как теоретиков, так и практиков при анализе материалов упомянутого достаточно широко известного теперь уголовного дела в Екатеринбурге. Оно интересно множественностью участников и многообразием сюжетов.

И, наконец, о взаимопроникновении норм разных отраслей свидетельствует анализ соотношения ст. 163, 179 УК и ст. 1117 ГК «Недостойные наследники». Отстранение от наследования как неблагоприятное последствие, т.е. санкция, наступает за умышленные противоправные действия с целью получения или увеличения доли наследства. Содержание ст. 163 и 179 УК известно и особых проблем при квалификации сходных деяний не вызывает. Что же касается многочисленных норм, закрепленных в ст. 1117 ГК и с учетом разъяснений пленумов Верховного Суда, а также монографических исследований цивилистов, то явно назрела необходимость в обстоятельном детальном изучении отношений, где главным действующим лицом является наследник, в судебном порядке отстраняемый от наследования. И в настоящее время ст. 1117 ГК не уходит из поля зрения специалистов и корректируется в установленном порядке. Новые сложности могут возникнуть с принятием ФЗ, изменяющего ч. 3, раздел V Гражданского кодекса. Активно распространяется информация о целесообразности введения в российское законодательство конструкций «совместное завещание» и «наследственный договор». Если это произойдет, то новых проблем явно прибавится.

Литература

1. *Собрание законодательства РФ*. 2001. № 52. Ст. 4921 (ред. от 15.09.2015).
2. *Собрание законодательства РФ*. 1994. № 32. Ст. 3301 (ред. от 01.10.2015).

Manankova Raissa P. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

ON INTER BRANCH APPLICATION OF PRIVATE LEGAL CONCEPTS

Key words: legal system, private law, concept, relationship, deal, disposition, rule.

The article deals with the problem of current criminal and criminal procedural legislation in relation to private legal concepts. The author pays attention to the rules of several articles of the Criminal Code of the Russian Federation (174, 179 and 195) and Article 5 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, all of them being connected with the criminal procedure subjects having fam-

ily legal relations. The article gives the detailed dispositions of the rules above, substantiates their inadmissibility for the right application and proposes some changes.

The author examines some theoretical issues of an inter branch character; criticizes the underestimation of important private law provisions, makes well-reasoned conclusions about a positive reversed impact of rules of public branches on private law. The example of a recent rare and complicated case (brought before the court under Article 179 of the Criminal Code) which reflected some legal gaps in current legislation is given. Due to its multi-subjectivity and multi-variability the case proves to be the subject matter for future discussions by specialists in different branches.

The author raises the problem of correlation between several articles of the Criminal Code and Article 1117 of the Civil Code devoted to unworthy heirs.

To analyze the above norms in a system means to eliminate the gaps and loopholes in their application and, thus, to save lives of the participants of corresponding legal relations.

The present article contains the substantiated recommendations on the development of the corresponding rules of public and private law.

References

1. Russian Federation. (2001) *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Legislation Bulletin of the Russian Federation]. 52. Art. 4921 (ed. as of September 15, 2015).
2. Russian Federation. (1994) *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Legislation Bulletin of the Russian Federation]. 32. Art. 3301. (ed. as of October 1, 2015).